Парамонов Сергей

8.95.

Аргументы и факты. – 1995. – №32(авг.). – с.7.

Пятьсот эскимо от Сережи Парамонова

Был мальчик как мальчик, нормальный разгильдяй десяти лет, с драками дворового масштаба в Перове, велосипедом "Орленок", плеванием в девочек через шариковую ручку и - из чего там еще были сделаны наши мальчишки в начале 70-х годов?.. Только он пел очень хорошо. Вся страна умилялась: "Ах, Сережа Парамонов! Русский Робертино Лоретти! Маленький Муслим Магомаев!"

- Ты, наверное, страшно задавался?

- Да нет, не очень. В классе вообще ничего не знали до тех пор, пока 31 декабря не показали по телевизору финал "Песни-72" и там - меня, поющего "Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам..." После зимних каникул я пришел в школу уже знаменитым. Ну учителя перестали двойки ставить, конечно. Все-таки гордость школы не может быть двоечником, правда? А ребята нормально среагировали. И я сам тогда это уже воспринимал не только как славу, невесть откуда на меня свалившуюся, но и как работу тоже: на репетиции таскался с ангиной из своего Перова на Смоленку, а это ведь две пересадки на метро, и выступал иногда с температурой... Хотя за это не платили ни копейки ни мне, ни маме. У нас же первый ребенок, который за это сумел деньги получить, - Родион Газманов. А когда я пел про свои "пятьсот эскимо" и "голубой вагон", он еще не родился.

- Но все-таки по сравнению с одноклассниками у тебя жизнь была совсем другая. Они - просто школьники, а ты - солист детского хора Центрального телевидения и Всесоюзного радио, с ума сойти! Вот, например, первые джинсы когда у тебя появились?

- Ну раньше, конечно, чем у всех остальных. Я их купил в 1973-м, на гастролях в Чехословакии. Это был "Rifle", хотя и чешский. Я из них как-то быстро вырос и стал кататься в них на велике. Потом они протерлись, и я их выкинул. Тут как раз и выяснилось, что стоят они 250 рублей, и жизнь без них подавляющему большинству людей скучна и противна... А из других гастролей я привез себе "вельветы" с пуговицами вместо молнии. Теперь это, кажется, называется "на болтах". Мне сказали: "Ха-ха-ха, у Парамонова пуговицы на ширинке видны..." И еще я очень гордился, что все тетю Свету Моргунову только по телеку видят, а я могу за кулисами спросить ее что-нибудь запросто. Например: "Сколько время, теть Свет?"... А потом началось: в автобусе едешь к другу, обязательно какая-нибудь тетя подойдет: "Мальчик, ты Сережа Парамонов? Дай, пожалуйста, автограф!"

- Ты помнишь свои первые выступления?

- На настоящей сцене - не помню. Видимо, так волновался, что все забыл. Помню, как в три года пел во дворе на Бауманке, где жили мои дедушка и бабушка. Дедушка очень любил петь. А слуха у него не было абсолютно. И вот он выводил меня погулять, ставил на какое-нибудь возвышение типа бордюра песочницы, и мы с ним затягивали: "Боевая колесница, пулеметчик мо-о-олодой!" А бабушки сидели на лавочке и аплодировали.

- Как кончилась твоя карьера? Тебя "попросили" уйти, когда у тебя стал ломаться голос?

- Я сам ушел. Мне вдруг все это стало неинтересно. Сейчас, когда я пытаюсь понять, почему же из всех детей-солистов любили именно меня, то, мне кажется, это потому, что я был совершенно естественным и искренним. Я не стоял на сцене по стойке смирно и не воздевал ввысь руки в особо патетических местах - спасибо руководителю хора Евгению Попову, он от меня этого и не добивался, - я действительно верил в то, что пел. И, понимаешь, в 12 лет я втайне надеялся, что волшебник вот-вот прилетит и "пятьсот эскимо" подарит. А в 14 уже... ну прилетит... ну не прилетит... Да и на фига мне "пятьсот эскимо"?! Вырос я просто. И появилась фальшь. Сначала, как это бывает обычно, она появилась во мне самом, а потом вылезла наружу: я лажанулся на любимой песне, взял не ту ноту... В эфире это все, конечно, смикшировали, но в зале-то было слышно... И я сам ушел из хора.

- Это было непросто - уйти от такой всесоюзной славы?

- Уйти было просто, жить потом было непросто. Я, поскольку с музыкой вообще расставаться не собирался, пошел в музыкальную школу по классу фортепиано. И это был, надо сказать, страшный удар по самолюбию. Я ведь уже привык, что я - солист, а все остальные сзади стоят и припев подпевают. А тут выясняется, что гаммы я играю хуже первоклассника. Меня моя учительница по специальности вытащила, Вера Михайловна Борохова, таким, знаешь, небанальным способом: когда давала мне какой-нибудь этюд, то говорила примерно следующее: " В учебной части мне сказали, что для Парамонова этот этюд еще слишком сложный, он с ним не справится... Но, я думаю, стоит попробовать. А ты как считаешь?" Ну я сутками из-за фоно не вылезал, чтобы оправдать доверие.

- Ты никогда не пользовался своей славой в корыстных целях? Ну, скажем, ты тетеньке-мороженщице песенку про эскимо, а она тебе - собственно эскимо бесплатно. Или, например, контролеру вместо билета - песенку "Голубой вагон бежит-качается..."

- Ну... Одно могу сказать тебе точно: в отделении милиции я песен не пел. А вот когда из хора уже ушел, в автошколу детскую поступил, потому что был Сережей Парамоновым. Это было страшно престижно - в 14 лет получить настоящие водительские права... И еще я сейчас бессовестно эксплуатирую свою детскую славу в служебных целях.

- Каким образом?

- После того как мое звонкоголосое детство закончилось и юность вместе с музыкальным училищем Ипполитова-Иванова закончилась, я где и кем только не работал. Даже в морге. Потом на радиостанции "Юность" вел передачку такую - "Музыканты вчера и сегодня". И там была такая программа, называлась "Кастальский ключ". Из этой программы образовался потом клуб московской творческой интеллигенции, тоже "Кастальский ключ". Существует он на Якиманке, и члены его - люди прекрасные, знаменитые и небезразличные к тому, что происходит вокруг. Теперь я там - продюсер массовых мероприятий. По жизни это означает - организатор праздников. Знаешь, что это такое? Ну вот устроили мы 8 мая такое представление в скверике Репина. Для ветеранов и просто для людей. Я перед этим трое суток не спал: где микрофоны?! Где транспаранты?! Где... И нужно было пригласить тех, кого наш народ любит. Николая Озерова мы вытащили, Вицина... Вот, звонишь им, договариваешься, упрашиваешь прийти... А когда никакие другие аргументы не действуют, признаешься: "Вы знаете, я тот самый Сережа Парамонов, который пел про "пятьсот эскимо".

Яна ЯШИНА